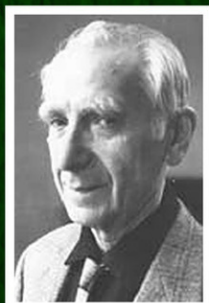

Марк Твен

Таинственный незнакомец

Перевод с английского
Абея Старцева

ФТМ

Марк Твен

Таинственный незнакомец

«ФТМ»

1898

Твен М.

Таинственный незнакомец / М. Твен — «ФТМ», 1898

Замыслу «Таинственного незнакомца» Марк Твен придавал совершенно особый характер; он считал, что здесь ему удалось до конца высказаться по ряду волновавших его социальных и морально-философских вопросов. По повести в 1989 году на киностудии «Ленфильм» режиссер Игорь Масленников снял художественный фильм «Филипп Траум».

© Твен М., 1898

© ФТМ, 1898

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Марк Твен

Таинственный незнакомец

Глава I

Шла зима 1590 года. Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон. В Австрии царило средневековье, – казалось, ему не будет конца. Иные даже считали, пренебрегая счетом текущего времени, что, если судить по состоянию умственной и религиозной жизни в нашей стране, она еще не вышла из Века Веры. Это говорилось в похвалу, не в укор, так всеми и принималось и даже служило предметом тщеславия. Я отлично помню эти слова, хоть и был маленьким, и помню, что они доставляли мне удовольствие.

Да, Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон, а наша деревня спала крепче всех, потому что была в самом центре Австрии. Она мирно почивала в глубоком одиночестве, среди холмов и лесов. Вести из окружающего мира не достигали ее, не смущали ее грез, и она была счастлива. Прямо перед деревней протекала река, медлительные воды которой были украшены отраженными в ней облаками и тенями барж, груженых камнем. За деревней лесистые кручи вели к подножью высокого утеса. С утеса, хмурясь, глядел огромный замок, стены и башня которого были увиты диким виноградом. За рекой, милях в пяти левее деревни, тянулись густо поросшие лесом холмы, рассеченные извилистыми лощинами, куда не заглядывал луч солнца. Справа, где утес поднимался высоко над рекой, между ним и холмами, о которых я веду речь, лежала обширная равнина, усеянная крестьянскими домиками, прячущимися в тени раскидистых деревьев и фруктовых садов.

Весь этот край на многие мили кругом искони принадлежал владетельному князю. Княжеская челядь поддерживала в замке образцовый порядок, однако ни князь, ни его семейство не приезжали к нам чаще, чем раз в пять лет. Когда они приезжали, казалось, что прибыл сам господь бог в блеске своей славы. Когда же они покидали нас, воцарялась тишина, подобная глубокому сну после разгульного празднества.

Для нас, мальчишек, наш Эзельдорф был раем. Ученьем нас не обременяли. Нас учили прежде всего быть добрыми христианами, почитать деву Марию, церковь и святых мучеников. Это – главное. Знать остальное считалось необязательным и даже не очень желательным. Наука совсем ни к чему простым людям: она порождает в них недовольство своей судьбой; судьба же их уготована господом богом, а бог не любит того, кто ропщет.

У нас в деревне было два священника. Первый, отец Адольф, был ревностным и усердным священнослужителем, и все уважали его.

Возможно, встречаются священники и получше, чем наш отец Адольф, но в общине не помнили ни одного, кто внушал бы своим прихожанам такое почтение и страх. Дело было в том, что он не боялся дьявола. Я не знаю другого христианина, о котором я мог бы это сказать с такой твердой уверенностью. По этой причине все боялись отца Адольфа. Каждый из нас понимал, что простой смертный не решится себя вести так отважно и самоуверенно. Никто не похвалит дьявола, все осуждают его, но делают это без дерзости, с долей почтения. Что ж до отца Адольфа, то он честил дьявола всеми словами, какие попадались ему на язык, так что невольного слушателя охватывал трепет. Бывало, он отзывался о дьяволе насмешливо и с презрением, и тогда люди крестились и поспешали прочь, боясь, как бы с ними не приключилось чего худого.

Если уж все говорить, отец Адольф не раз встречался с дьяволом лично и вступал с ним в поединок. Отец Адольф сам об этом рассказывал, не делал из этого тайны. И он говорил правду: по крайней мере, одно из его столкновений с дьяволом подтверждалось вещественным

доказательством. В пылу разгоревшейся ссоры он бесстрашно швырнул однажды в противника бутылкой, и в том самом месте, где она разбилась, на стене его кабинета осталось багряное пятно.

Другой наш священник был отец Питер, и мы все очень любили и жалели его. Про отца Питера шел слух, будто он кому-то сказал, что бог добр и милостив и когда-нибудь сжалится над своими детьми. Подобные речи, конечно, ужасны, но ведь не было твердого доказательства, что он такое сказал. Да и непохоже это было на отца Питера, такого доброго, кроткого и нелживого человека. Правда, никто, и не утверждал, что он сказал это с кафедры прихожанам; тогда каждый из них слышал бы эти слова и мог бы их засвидетельствовать. Говорили, будто преступная мысль была высказана им в частной беседе, но подобное обвинение легко возвести ведь на каждого.

У отца Питера был враг, сильный враг. Это был астролог, который жил в старой, полуразрушенной башне, стоявшей на самом краю нашей равнины, и по ночам наблюдал звезды. Все знали, что он умел предрекать войну и голод, хоть это и было нетрудное дело, потому что война где-нибудь шла всегда, а голод был тоже нередким гостем. Но он умел, кроме того, сверяясь со своей толстой книгой, прочитать судьбу человека по звездам и разыскать покражу, – и все в деревне, кроме отца Питера, боялись его. Даже отец Адольф, не боявшийся дьявола, с приличным случаю уважением приветствовал астролога, когда тот проходил через деревню в длинной мантии, расшитой звездами, в высоком остроконечном колпаке, с толстой книгой под мышкой и с посохом, в котором, как всем нам было известно, таилась волшебная сила. Говорили, что сам епископ прислушивается к словам астролога. Хотя астролог изучал звезды и занимался по ним предсказаниями, он также любил показать свою приверженность к церкви, и это, конечно, льстило епископу.

Что до отца Питера, то он не искал расположения астролога. Отец Питер заявлял во всеуслышание, что астролог – шарлатан и обманщик, что астролог не только не владеет чудодейственными познаниями, но, напротив, невежественнее многих других; и он нажил себе врага, который стал искать его гибели. Мы все были уверены, что слух об ужасных словах отца Питера шел, конечно, от астролога и что он же донес епископу. Отец Питер будто бы это сказал своей племяннице Маргет. Тщетно Маргет отрицала обвинение и умоляла епископа верить ей и не навлекать на ее старого дядю нужду и бесчестие. Епископ не пожелал ее слушать. Поскольку же против отца Питера было только одно показание, епископ не стал отлучать его вовсе от церкви, но лишил на неопределенный срок сана. Вот уже два года отец Питер не выполняет церковных обязанностей, и его прихожане все перешли к отцу Адольфу.

Нелегко дались эти годы старику священнику и Маргет. Раньше все их любили и искали их общества, но с немилостью епископа все тотчас же переменялось. Иные из прежних друзей совсем перестали видаться с ними, другие были холодны и неразговорчивы. Когда случилось несчастье, Маргет как раз исполнилось восемнадцать лет. Это была прелестная девушка и умница, какой не отыщешь во всей деревне. Она обучала игре на арфе, и заработанных денег хватало ей на платья и личные расходы. Но теперь ученицы одна за другой ушли от нее; когда в деревне устраивались вечеринки и танцы, ей забывали передать приглашение; молодые люди перестали ходить в их дом – все, кроме Вильгельма Мейдлинга, а его визиты не имели большого значения. Опозоренные и всеми покинутые, священник и его племянница загрустили, упали духом – солнце больше не светило к ним в окна. А жить становилось труднее. Одежда поизносилась, каждое утро надо было думать, на что купить хлеб. И вот наступил решительный день: Соломон Айзекс, который ссужал им деньги под залог их дома, известил отца Питера, что завтра утром тот должен либо вернуть ему долг, либо уходить прочь из дому.

Глава II

Мы трое всегда были вместе, чуть ли не с колыбели. Мы сразу полюбили друг друга, наша дружба крепла год от году. Николаус Бауман был сыном главного судьи. Отец Сеппи Вольмейера был владельцем большого трактира под вывеской «Золотой олень»; сад при трактире со старыми раскидистыми деревьями спускался к самому берегу реки, а там была пристань с прогулочными лодками. Я, третий, Теодор Фишер, был сыном церковного органиста, который также дирижировал деревенским оркестром, обучал игре на скрипке, сочинял музыку, служил сборщиком податей, выполнял обязанности причетника, – словом, был деятельным членом общины и пользовался всеобщим уважением.

Окрестные холмы и леса были знакомы нам не хуже, чем живущим в них птицам. Каждый свободный час мы проводили в лесу или же купались, удили рыбу, бегали по льду замерзшей реки или катались на санках по склону холма.

В княжеском парке редко кому разрешалось гулять, но мы проникали туда потому, что мы были в дружбе со старейшим из замковых слуг, Феликсом Брандтом, и часто вечером мы отправлялись к нему в гости, чтобы послушать его рассказы о старых временах и необычайных происшествиях, выкурить трубку – он научил нас курить – и выпить чашечку кофе. Феликс Брандт много воевал и был при осаде Вены. Когда турок разбили и погнали прочь, среди захваченных трофеев оказались мешки с кофе, и пленные турки объяснили ему, на что годятся эти кофейные зерна, и научили изготавливать из них приятный напиток. С тех пор Брандт всегда варил кофе, пил его сам и удивлял им людей несведущих. Если погода была ненастная, старик оставлял нас у себя на ночлег. Под раскаты грома и сверканье молний он вел свой рассказ о привидениях и всяческих ужасах, о битвах, убийствах и жестоких ранениях, а в его маленьком домике было так тепло и уютно.

Брандт черпал свои рассказы главным образом из собственного опыта. Он повстречал на своем веку немало привидений, ведьм и волшебников, а однажды, заблудившись в горах в страшную бурю, наблюдал в самую полночь при вспышке молний, как Дикий Охотник, яростно трубя в рог, промчался по небу, а за ним по разорванным тучам неслась его призрачная свора. Приходилось ему видеть и инкуба, и вампира, который сосет кровь у спящих, тихо обвевая их крылами, чтобы они не пробудились от рокового забвения.

Старик учил нас, что не надо пугаться ничего сверхъестественного. Призраки, говорил он, не причиняют вреда и бродят просто потому, что они одиноки, несчастны и ищут сочувствия и утешения. Постепенно и мы освоились с этой мыслью и даже спускались вместе с ним по ночам в подземелье замка, посещаемое привидениями. Призрак появился только один раз, прошел мимо нас еле видимый, бесшумно пронесся по воздуху и исчез. Мы даже при этом не дрогнули, – так воспитал нас старик Брандт. Он рассказывал после, что этот призрак иногда приходит к нему по ночам, будит его ото сна, прикасаясь к лицу липкой холодной рукой, но не причиняет ему никакого вреда, – просто ищет сочувствия. Самое же удивительное, что Брандт видел ангелов, настоящих ангелов с неба, и беседовал с ними. Они были без крыльев, одеты в обычное платье, выглядели в точности как обыкновенные люди и так же ходили и разговаривали. Никто бы вообще не принял их за ангелов, если бы они не творили чудес, которых простой смертный, конечно, творить не может, и не исчезали вдруг неведомо куда, пока вы с ними беседовали, что тоже превышает силы смертного человека. Ангелы не были унылыми или сумрачными, подобно призракам, – напротив, были веселыми и жизнерадостными.

Однажды майским утром, после затянувшихся допоздна рассказов старого Брандта, мы поднялись с постели, сытно позавтракали вместе с ним, а потом, перейдя мост влево от замка, забрались на поросшую лесом вершину холма, наше излюбленное местечко. Там мы растянулись в тени на траве, намереваясь отдохнуть, покурить и еще раз обсудить диковинные рас-

сказы старика, произведшие на нас сильное впечатление. Но мы не могли раскурить трубку, потому что по забывчивости не захватили с собой кремня и огнива.

Немного погодя из леса показался юноша, он подошел к нам, сел рядом и заговорил с нами дружеским тоном. Мы не отвечали, – чужие люди заходили к нам редко, и мы их побаивались. Пришелец был хорош собой и нарядно одет, во всем новом. Лицо его внушало доверие, голос был приятен. Он держался непринужденно, с удивительной простотой и изяществом и был совсем непохож на застенчивых и неуклюжих молодых людей из нашей деревни. Нам хотелось завязать с ним знакомство, но мы не знали, с чего начать. Я вспомнил о трубке и подумал, что было бы славно дать покурить незнакомцу. Но тут же я вспомнил, что у нас нет огня, и мне стало обидно, что план мой нельзя выполнить. А он бросил на меня оживленный довольный взгляд и сказал:

– Нет огня? Это – пустое. Сейчас я добуду.

Я был так удивлен, что не мог ничего ответить: ведь я ни слова не произнес вслух. Он взял трубку и подул на нее. Табак затлелся, и голубой дымок спиралью поднялся кверху. Мы вскочили с места и пустились бежать: ведь то, что произошло, было сверхъестественно. Мы отбежали недалеко, и он убедительным тоном стал просить нас вернуться, дал честное слово, что не причинит нам никакого вреда, сказал, что ему хочется подружиться с нами и побыть в нашем обществе. Мы застыли на месте. Мы были вне себя от удивления и любопытства. Нам хотелось вернуться, но мы не решались. Он продолжал уговаривать нас, как и раньше, спокойно и рассудительно. Когда мы увидели, что наша трубка цела и ничего дурного не приключилось, мы успокоились, а потом, когда любопытство возобладало над страхом, двинулись осторожно назад, шаг за шагом, готовые в любую минуту вновь искать спасения в бегстве.

Он старался рассеять нашу тревогу и делал это умело. Когда с вами говорят так просто, так вдумчиво и ласково, опасения и робость уходят сами собой. Мы снова прониклись доверием к нему, завязалась беседа, и мы были счастливы, что нашли подобного друга. Когда стеснение наше совсем прошло, мы спросили, где он научился своему поразительному искусству, и он сказал, что нигде не учился, что от рождения наделен этой силой, да и другими способностями.

– А что ты еще умеешь?

– Да многое, всего не перечислишь.

– Ты покажешь нам? Пожалуйста, покажи! – закричали мы дружно.

– А вы не убежите?

– Нет, честное слово, нет! Пожалуйста, покажи. Ну, покажи!

– С удовольствием, но смотрите – не забудьте своего слова.

Мы подтвердили, что не забудем, и он подошел к луже, набрал воды в чашку, которую сделал из листика, подул на нее и, перевернув чашку вверх дном, вытряхнул из нее застывший кусок льда. Мы глядели, изумленные и очарованные, нам уже не было страшно, мы были очень довольны и попросили его показать нам еще что-нибудь. Он согласился, сказал, что угостит нас сейчас фруктами и чтобы мы назвали все, что хотим, не смущаясь тем, настала пора для этих фруктов или же нет. Мы закричали хором:

– Апельсин!

– Яблоко!

– Виноград!

– Ищите в карманах, – сказал он; и правда, каждый нашел в кармане то, чего пожелал. Фрукты были самого лучшего качества; мы съели их, и нам захотелось еще, но мы не решились сказать это вслух.

– Поищите в карманах, – снова сказал он, – и все, чего вы ни пожелаете, все там будет. Не нужно просить. Пока вы со мной, ваше дело только желать.

Так все и было. Никогда еще с нами не случилось ничего столь удивительного и заманчивого. Хлеб, пирожки, конфеты, орехи – чего ни пожелай, все у тебя в кармане. Сам он не ел ничего, а только беседовал с нами и развлекал нас новыми чудесами. Он слепил из глины маленькую игрушечную белочку, и она взбежала по дереву и, усевшись на суку, стала цокать по-беличьи. Тогда он слепил собаку величиной чуть побольше мыши, и та загнала белку на самый верх дерева и стала бегать вокруг с громким лаем, как самая заправская собака. Потом погнала белку дальше в лес и побежала вслед, пока обе не скрылись в чаще. Он слепил из глины птиц, пустил их на волю, и, улетаая, птицы запели.

Набравшись наконец храбрости, я спросил его, кто он такой.

– Ангел, – спокойно ответил он, выпуская еще одну птицу, хлопнул в ладоши, и птица опять улетела.

Благоговейный ужас охватил нас при этих словах; мы снова были в смятении. Но он сказал, чтобы мы не тревожились: ангелов бояться не надо, – и подтвердил, что питает к нам самые добрые чувства. Он продолжал беседовать с нами все так же естественно и непринужденно, а сам мастерил в это время фигурки мужчин и женщин с палец величиной. Кукольный народец тут же принялся за работу. Они расчистили и выровняли клочок земли на поляне в два-три квадратных ярда и стали возводить славный маленький замок. Женщины замешивали известковый раствор и носили его по строительным лесам в ведрах, держа их на голове, как это делают работницы у нас в деревне, а мужчины возводили высокие стены. Не меньше пяти-сот этих куколок сновали взад и вперед, трудились что было сил, отирали пот со лба, словно настоящие люди. Это было так притягательно – глядеть, как пятьсот крошечных человечков строят замок, камень за камнем, башню за башней, как здание растет и обретает архитектурные формы. Страх наш снова прошел, и мы от души наслаждались. Мы спросили его, можно ли и нам смастерить что-нибудь, он сказал: «Разумеется», – и велел Сеппи слепить несколько пушек для замковых стен, Николаусу – нескольких алебардщиков в шлемах и латах, а мне – кавалеристов верхом на конях. Отдавая свои приказы, он назвал нас по имени, но при том не сказал, откуда он знает, как нас зовут. Тогда Сеппи спросил, как зовут его, и он спокойно ответил:

– Сатана.

Подставив щепку, он поймал на нее маленькую женщину которая свалилась с лесов, и, поставив ее на место, сказал:

– Экая дурочка, ступает назад и не глядит, что у нее за спиной.

Имя, которое он произнес, нас поразило; пушки, алебардщики, лошади повыпадали у нас из рук и рассыпались на куски. Сатана засмеялся и спросил, что случилось.

Я сказал:

– Ничего не случилось, но это странное имя для ангела.

Он спросил, почему я так думаю.

– Как почему? Ты ведь знаешь?.. Это – его имя.

– Что же тут такого? Он мой родной дядя.

Он произнес это очень спокойным тоном, но у нас захватило дух и сердце заколотилось в груди. Словно не замечая нашего волнения, он поднял алебардщика и другие игрушки, починил их и вернул нам назад со словами:

– Неужели вы не знаете? Ведь он тоже был раньше ангелом.

– Правда! – сказал Сеппи. – Я не подумал об этом.

– До падения ему было чуждо всякое зло.

– Да, – сказал Николаус, – он был безгрешным.

– Мы из знатного рода, – сказал Сатана, – благороднее семейства не отыскать. Он единственный, кто согрешил.

Трудно сейчас передать, как все это было для нас интересно. Когда вы сталкиваетесь с чем-либо столь необычайным, захватывающим, изумительным, некий трепет и вместе с тем

ликование охватывает вас с головы и до пят. Вами владеет мысль: неужели вы живы и все это видите в самом деле? Вы не в силах оторвать изумленного взгляда, губы у вас сохнут, дыхание прерывается, но вы не променяете это свое ощущение ни на что другое на свете. Мне очень хотелось спросить его кое о чем, вопрос был уже на кончике языка и удержаться мне было трудно, но я боялся, что покажусь ему слишком дерзким. Сатана отложил в сторону почти законченную фигурку быка, улыбнулся, глядя на меня, и сказал:

– Не вижу в том ничего особенно дерзкого, а если бы и увидел, то простил бы тебя. Ты хочешь знать, встречался ли я с ним? Миллионы раз. В младенчестве – мне не исполнилось тогда и тысячи лет – я был одним из двух маленьких ангелов нашего рода и нашей крови (кажется, так у вас принято выражаться), которых он особенно отличал. И так продолжалось все восемь тысяч лет (по вашему счету времени), вплоть до его падения.

– Восемь тысяч лет?

– Да.

Он повернулся теперь к Сеппи и продолжал свою речь, как бы в ответ на вопрос, который был на уме у Сеппи.

– Это верно, я выгляжу юношей. Так оно и должно быть. Наше время протяженнее вашего, и нужно немало лет, чтобы ангел стал взрослым.

Мне захотелось задать ему новый вопрос, и он повернулся ко мне и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.